

Александр Бикбов

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ БОЛЬШИНСТВА

Перед началом такой дискуссии имеет смысл задать вопрос: кому она адресована? — и продолжать ее в зависимости от ответа. Если ответ о том, как работает или почему не работает политический режим, предназначен для использования чиновниками администрации Президента, одержимыми укреплением государственного порядка, каким он представит в узкопрофессиональной борьбе политического сословия — это одна, весьма ограниченная перспектива, в которой последующий анализ имеет смысл и может получить свое странное продолжение. Совсем иная, также вполне ограниченная перспектива — когда речь идет о практических следствиях режима или его сбой для владельцев маленьких магазинов или для наемных работников крупных компаний. В российских дискуссиях не принято делать разницы между этими перспективами, отчего почти всегда получается, что каким бы способом ни производилась сборка детской коляски, в результате получается автомат Калашникова. В европейских интеллектуальных дискуссиях разница перспектив встроена в саму тематику и основные понятия, так что путаница вокруг смутно и всеохватно определяемой категории «государственные интересы» достаточно редка. Дебаты о демократии, коммунизме и иных политических моделях сосредоточены здесь не на вопросах государственного строя, даже если речь прямо идет о государстве, но разворачиваются вокруг конкурирующих типов социальной связи. То есть эти дебаты посвящены не тому, как лучше править (государственному аппарату), а кому с кем и как лучше взаимодействовать, чтобы в результирующей модели общего интереса могло найти себя максимальное число социальных категорий. Исходным для этого типа рассуждений, еще раз повторю, почти никогда не выступает «сильное государство», ни даже просто «государство», как оно понимается в России — то есть как форма правления. В свою очередь, я сразу хотел бы отметить, что сборка автомата Калашникова меня не интересует.

В связи с этим «проблема», которую, по предположению Анкерсмита, призван решить каждый политический режим — взгляд, верный лишь в своей малой части, а в основе своей — сильная идеализация. Прежде всего, потому, что политический режим рождается из баланса сил, а не из идеи правления

и ее так или иначе понимаемой «главной» проблемы. Техника связывания между собой различных частных, и зачастую несовместимых, напряжений, которые возникают в текущем балансе сил, была и остается самодостаточной. Так же, как явным преувеличением является попытка Анкерсмита перевести вопрос социального неравенства на язык одних только королевских (или президентских) привилегий. Этот вопрос оказывается далеко не исчерпанным, когда речь заходит о конструировании критериев национального благополучия или попытках сформулировать и решить проблему нелегальной иммиграции. Даже беспорядки на окраинах французских городов, наделавшие столько шума в конце 2005 года, были выражением отнюдь не этнической или культурной «несовместимости», но того же самого вопроса о социальном (не)равенстве, который в иных случаях решается в мирной борьбе, например, вокруг принципов налогообложения. Во всем неразборчивом клекоте недовольства, который слышался со стороны французских повстанцев, наиболее отчетливо звучали именно эгалитаристские лозунги: «Мы такие же граждане Франции!» и «Дайте нам работать!». Адекватным им было и содержание дебатов с участием политических верхов, включая полицейских чиновников: обсуждалось отнюдь не столкновение рас и цивилизаций, а улучшение ситуации в бедных пригородах и интеграция проблемных категорий. Как показали эти события и эти дебаты, концепцию социальной справедливости, вписанную в «старую» республиканскую модель демократии, в целом склонны разделять обе стороны, включая не очень хорошо — культурно и экономически — интегрированных повстанцев. Иными словами, за такими новыми вызовами действующему политическому порядку нередко скрывается вполне либеральная и даже долиберальная постановка вопроса о (не)равенстве.

Неравенство — как проблема, очевидная большинству, — исходно и по-прежнему плотно вписана в историю национальных государств и предполагает достаточно высокую степень включения этого большинства в одни и те же культурные и экономические структуры, которые являются одновременно машинами социальной дифференциации и отправной плоскостью для любого общего суждения о равенстве и неравенстве. Однако было бы ошибкой полагать, что для большинства «коренного» населения национальных государств, которое сегодня с подозрением или глухой ненавистью смотрит на «чужих» и «приезжих», равно как для самих мигрантов, ищущих место на национальных рынках труда (и в системах социальной защиты), основной проблемой являются различия в цвете кожи, языке или религии. Да, все эти различия имеют практический смысл, направляя институциональные и обыденные взаимодействия. Но организующим центром взаимодействий по-прежнему является участие в производстве и распределении материальных и культурных ресурсов, выраженное на языке «традиционных» политических страстей: справедливости, независимости, безопасности. Это вполне очевидно в той же Франции, где господствующая техника поддержания социальной связи является, скорее, левоцентристской, с широким участием профсоюзов, партий и ассоциаций. Но это можно обна-

ружить и в гораздо более правой (по тем же показателям) России, где в политических дебатах по вопросам иммиграции вслед за аргументом о вреде, например, кавказского присутствия самым естественным образом звучат сетования на коррумпированность «родной» милиции и безразличие местной администрации. То, что во Франции связь между мигрантами (в частности, нелегальными), полицией, государственной бюрократией и экспертами является публично администрируемой, а в России — нет, как ни странно, не делает игры. Напряжение, связанное с «чужими» культурными или экономическими привычками, напрямую подчинено вопросам о бытовой безопасности, распределении мест на национальных рынках труда, а более широко, вопросу о справедливом распределении общественных благ. Именно он управляет динамикой современных политических режимов, при всех различиях между ними — сохраняющихся или сглаженных глобализацией.

Другая часть головоломки, какую представляет собой этот вопрос — прекаризация труда, то есть исчезновение постоянного и гарантированного места работы у самого «коренного» населения национальных государств. Еще в начале 1990-х эта проблема выглядела непривычной и в России, после периода всеобщей занятости, и в европейских странах, после эпохи сильных социальных программ. Сегодня она стала общим местом, поскольку прекаризация охватила самый широкий круг профессий. Этому в немалой степени поспособствовала и корпоративная политика перевода производств в регионы с более низкой стоимостью труда (начиная уже с 1970-х), и неизменное поглощение мелких и средних производителей крупными, и государственные политики на волне технического роста и роста благосостояния, в т. ч. политика в сфере образования, которая открыла доступ все более широкому слою к престижным профессиям и одновременно произвела избыток квалифицированных специалистов. Отход от модели государства социального обеспечения, реализованной в 1960-х—1970-х по обе стороны «железного занавеса», обнажил последствия этих политик. Резкое сокращение числа постоянных рабочих мест стало одним из наиболее ощутимых. В этой ситуации отказ большинства «коренного» населения от парламентских форм участия, который на протяжении 1960-х—1980-х происходил по причине относительной стабильности социального порядка, в 1990-х—2000-х продолжается по той же причине, но с обратным знаком. Сегодня это можно объяснить отнюдь не абстрактным разочарованием в демократических ценностях, а тем, что такое участие никак не меняет положения избирателя на рынке труда. Ни правые, ни левые партии не могут восстановить гарантий занятости, как не способны они разрешить более широкого круга базовых напряжений социального неравенства. Высший менеджмент корпораций процветает и при правых, и при левых, тогда как наемные работники тех же корпораций лишаются гарантий занятости и беднеют: этого достаточно, чтобы относиться с большим критицизмом к любым крупным партиям, о связях которых с теми же корпорациями известно наверняка или несложно догадаться.

Здесь снова имеет смысл вернуться к исходному вопросу: кого интересует та новая идеология, которая должна сменить предшествующие? Заранее зная, что идеология — это инструмент мобилизации, который в текущем балансе сил так или иначе оказывается в руках узкого круга дискредитированных управленцев и назначение которого очевидно все большему числу наемных работников, получающих высшее образование, не нужно удивляться массовому недоверию к политическим программам. Текущую ситуацию лишь отчасти можно рассматривать как следствие либерализма. Как и относительные успехи правых в Европе и России 1990-х — 2000-х вряд ли можно объяснить какой-то особой связностью их политической аргументов. Любая идеология рождается в текущем балансе сил, и консерваторы, от умеренных до крайних, не были бы сегодня так популярны, если бы этот баланс благоприятствовал большинству «коренного» населения национальных государств, а не крайне узкому кругу сверхпривилегированных (и таких же «коренных») топ-менеджеров, корпоративных и государственных. Правые лозунги популярны сегодня лишь потому, что предлагают, по сути не меняя самой ситуации, по видимости простые и быстрые решения. И именно их востребованная простота представляет собой серьезное препятствие к реализации любых альтернативных проектов, ориентированных на изменение текущего баланса сил. В той же мере, в какой поддержание радикальной политической ангажированности и утопических намерений было возможно в государстве социального обеспечения, политическому скептицизму и консерватизму в полной мере способствуют нервные поиски рабочего места, которыми в 2000-х поглощены самые широкие слои.

При всех указанных условиях, прагматический ответ на вопрос о новой идеологии содержится не в формулировке новой радикальной утопии и не в абсурдном отказе от любых долговременных проектов. Как и прежде, речь может идти только о последовательном конструировании режима социальной справедливости: установлении такой социальной связи, в которой — с неизбежной долей убеждения и принуждения — найдут себя и давние, и новые участники состязания на национальных рынках труда. Подобная нормализация «чужих» — отнюдь не тривиальная задача, учитывающая разрыв межкультурных компетентностей и территориальную неопределенность, которые накладываются на существующие внутринациональные неравенства. Однако нет иного способа оперировать актуальными напряжениями в расчете на сколько-нибудь длительную перспективу. Легальные и нелегальные мигранты уже достаточно давно являются значимыми участниками национальных экономик. И как показывает опыт самых различных обществ, включая российское, затянувшиеся попытки закрепить за этими обширными слоями положение вне закона или вне условий честного соревнования лишь усугубляют хрупкое положение «коренного» большинства, одновременно усиливая авторитарные тенденции национальной бюрократии.